

Тони Пейчинов (София, Болгария)

ОСОБЕННОСТИ „АЗБУЧНОЙ МОЛИТВЫ“ И ЕЕ РУССКАЯ ПЕРЕДЕЛКА В РУКОПИСИ УВАРОВСКОГО СОБРАНИЯ

Первое стихотворение древнеболгарской литературы является и одним из первых славянских азбучных акростихов. Далее мы будем исходить из этого принципиального положения. Усилия Ф. В. Мареша связать имя Кирилла Философа с азбучным акростихом „Аз есмь всему миру свет“ на наш взгляд лишены достоверности. Ни один письменный источник не содержит хотя бы намек на что-либо подобное, сделанное Кириллом, а этот факт вряд ли не был бы отражен болгарскими книжниками. В житийной литературе одно такое событие несомненно имело бы место.

„Азбучная молитва“ или „Пролог о Христе умерен“ оказала большое влияние на целостное развитие древнеболгарской литературы. Значение здесь имеет его двенадцатисложное строение строки, которое в своей соизмеримой последовательности создает ритм стихотворения вместе с цезурой (обычно 5+7). Это строение нашло свое место и в последующей древнеболгарской литературе. Да и не только в ней.

Безусловно, в формальном отношении Константин Преславский следовал византийскому литературному опыту. Но в плане содержания книжник просит творческого вдохновения на написание „Учительного евангелия“. Стихотворение это и возхвадал славянства, которое, вступив на путь христианства, успешно строит свою новую культуру. Большинство из дошедших до нас русских „толковых азбук“ подтверждают это основополагающее значение первоисточника — „Азбучная молитва“ Константина Преславского.

Вероятно, „Учительное евангелие“ начиналось „Азбучной молитвой“. Стихотворение было поэтическим прологом к Учительному евангелию. По мнению академика Емilia Георгиева, „Азбучная молитва“ имела учебные функции. На наш взгляд, это вероятно так. Византия, откуда пришло стихотворство в Болгарию, была наследницей древнегреческого искусства в гораздо большей степени, чем Западной Римской империи,¹ а, как мы знаем, в античном мире философские, грамматические и другие научные трактаты писались в стихотворной форме.

Самая отдаленная от „Азбучной молитвы“ русская рукопись — это переделка Уваровского собрания (текст озаглавлен — „Молитва святого Константина мудраго Философа, сложена азбукою“), которая под пером неизвестного русского книжника соответственным образом изменилась. Если „Азбучная молитва“ звучит более непосредственно, ближе к тяжениям ее автора, конечно не выходя за пределы определенного канона, то русская переделка соотносится более со средневековым мироощущением, нежели со стихотворением Константина. Центр внимания здесь переносится на людские прегрешения, на то, что человеку нужно искупать свои грехи. На земле он грешником и живет как таковым. Книжник упоминает и о богоизбранности русской земли и просит помощи в борьбе с врагами.

¹ См. В. Д. Лихачева. Искусство Византии IV—XV вв. 1981.

Таким образом каждая литература получает самодовлеющее значение в рамках определенного средневекового государства. Так, наполняя национальным содержанием определенную взаимодействующую форму, идет жанровое становление.

Если обратимся к фонетическому рассмотрению (на основе написания) третьей строки обоих памятников:

·ВНДНМЫНМЪ Н НѢВНДНМЫНМЪ — („Азбучная молитва“)

·ВНДНМЫНА Н НѢВНДНМЫНА ВСЕА ТВАРН СОДЕТЕЛЮ, НЕБЕСНЫНА Н ЗЕМНЫНА“ (переделка Уваровского собр.),

то мы можем предположить одно развитие и — слогового в йот (j) в русской переделке. Возьмем два слова:

ВНДНМЫНМ → после Ы — и-слоговое

ВНДНМЫНА → после Ы — й- (от [я] в ia или ja)².

Это разграничение очень шаткое, поскольку в древнеславянских языках с фонологической точки зрения [j] в [ja], исходя из современного состояния русского языка, а не только русского, является не согласным, а комбинаторным вариантом гласного i (как, например, в слове *армия*) в непосредственном соседстве с другими гласными, хотя фонема [j] чаще появляется в виде и-неслогового, т. е. фонетически как гласный звук. Учитывая положения Реформатского, изложенные в его „Фонологических этюдах“,³ то нужно отнести j к консонантам.

О том, существовал ли [j] как консонант в „Молитва святого Константина, мудраго Философа, сложена азбукою“, в указанных случаях носит в значительной мере предварительный, гипотетический характер.

Хотелось бы привести еще одно авторитетное мнение, прежде чем идти дальше:

„... в русском языке фонема [j] после гласных реализуется как неслоговое i, а после согласных — либо как i, то как спираント j, оба варианта являются факультативными“.⁴

Если принять, что i > j, а ъ и ь в конце слова не имеют значения уже как вокативы (переделка относится к XVII веку), то [j] закрывает слог в конце слова (ДАЙ ВЗЕМЛАЙ), а также встречаем его и в середине слова, но закрывающий слог (СОЙ-ТИ, НЕДОСТОЙ-НЫХ).

Таким образом j становится рядом с сонорными р, л (в тексте — ТВАР-ю, СОДАТЕЛ-ю). Сонорные согласные и j, закрывающие слог, можно назвать „полузакрытыми“.⁵

Как уже было сказано, точное датирование памятника определить трудно, но состав буквенного ряда показывает, что так называемое второе южнославянское влияние уже оказало свое воздействие (на основе этого мы считаем, что конечные ь, ъ уже неслоговые). Указанные перемены и особенности [j] и [i] говорят о некоторой орфографической выраженности тенденции закрытия слога, которая имела сначала место в устной речи и только гораздо позже нашла свое место и в написании слов.

Таким образом на основании „Азбучной молитвы“ были доказаны, на мой взгляд, некоторые изменения [j], которые в дальнейшем развитии болгарского и русского языков получили все более отчетливые проявления в фонетическом аспекте. Вопрос о [j] сложный и пока еще не полностью решен.

² О. Брок. Очерк физиологии славянской речи. „Энциклопедия славянской филологии“, 2 СПб., 1910, с. 52.

³ А. А. Реформатский. Фонологические этюды, М., 1975.

⁴ Н. С. Грубейцкой. Основы фонологии, М., 1960, с. 58.

⁵ А. А. Реформатский, указ. соч., с. 79—98.